

ЭДУАРД ГУГНИН,

*аспирант кафедры отраслевой социологии
Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко*

ВАЛЕНТИНА ЧЕПАК,

*кандидат социологических наук, доцент ка-
федры отраслевой социологии Киевского
национального университета имени Тараса
Шевченко*

Феномен социального капитала

Abstract

The authors analyse problems of rise, formation and transformation of social capital as a form of capital as such. The special feature of the work consists in the fact that it is the first attempt to analyse the social capital in the native sociology.

В социологии, как и в любой другой науке, время от времени необходимо производить пересмотр сложившихся понятий. Авторы данной статьи поставили перед собой цель рассмотреть относительно новое для социологии понятие “социальный капитал”, основываясь, в частности, на анализе одноименной статьи американского исследователя А.Портеса [1, с.1–24] с учетом точек зрения ряда ведущих специалистов в области социологии.

Для того, чтобы более детально изучить сущность, истоки, а также характерные черты интересующего нас понятия, необходимо, в первую очередь, вкратце рассмотреть область действия капитала, проанализировав такие понятия, как: “пространство”, “поле”, “капитал”, а затем, на основании выделения форм капитала, остановиться более детально на анализе собственно социального капитала.

Пожалуй, первое систематизированное рассмотрение социального капитала было осуществлено известным французским социологом Пьером Бурдьё. Поэтому будем исходить из его интерпретации данного понятия. В своих

основных теоретических работах, которые в русском переводе известны под названиями “Начала” и “Социология политики” [2; 3], Бурдьё детально останавливается на экспликации понятия “пространство”, в первую очередь, разграничивая пространство физическое и социальное. “Социальное пространство — не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно”, — и далее: “...физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии, объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений” [3, с.39–40].

Социальное пространство можно представить как многомерное, состоящее из ряда полей, среди которых ключевыми следует полагать такие поля, как экономическое, политическое и культурное. Помимо этих, например, П.Сорокин выделяет еще и профессиональное поле с присущим ему профессиональным капиталом.

Поля социального пространства исследователи представляют как “поля борьбы”, а сама борьба основывается на желании индивидов (у Бурдьё — агентов) занять более привилегированное по отношению к другим индивидам положение (место) в избранном поле. Способность господствовать в присвоенном пространстве зависит от размера наличного капитала. “Капитал позволяет держать на расстоянии нежелательных людей и предметы и в то же время сблизиться с желательными людьми и предметами, минимизируя таким образом затраты (особенно времени), необходимые для их присвоения” [3, с. 43].

Каждому полю принято ставить в соответствие свой капитал: экономическому — экономический, политическому — политический и так далее. Обладание определенным капиталом дает власть только в рамках данного поля, хотя возможна конвертация капитала, позволяющая власть в одном поле обменять на власть в другом, либо утратив при этом занимаемые позиции и, соответственно, капитал, либо, наоборот, укрепив. Конечно, такая возможность зависит от конвертационной ставки того или иного капитала. По мнению П.Бурдьё, в ряду капиталов следует выделить экономический, культурный, символический и социальный, однако приоритет остается за экономическим капиталом; любую другую форму капитала, замечает он, можно свести именно к этому виду капитала.

Как отмечалось, первый систематизированный анализ социального капитала был осуществлен П.Бурдьё, который определял его как совокупность имеющихся или потенциальных ресурсов, предполагающих наличие системы в определенной мере институционализированных отношений взаимного распознавания или признания [4, с.245]. Эта первоначальная интерпретация понятия появилась в небольшой статье “Социальный капитал: предварительные записки”, изданной в 1980 году [5, с.2–3]. Статья не привлекла большого внимания за пределами франкоязычного сообщества социологов, да и первый — английский перевод затерялся на страницах издания, посвященного социологии образования [см.: 4]. Таким образом, понятие “социальный капитал” до сих пор остается малоизученным в социологической литературе.

Исходя из определения Бурдьё, социальный капитал состоит из двух элементов. Первый — социальные отношения, позволяющие индивидам иметь доступ к ресурсам, которыми владеют другие индивиды. Второй — количество и качество этих ресурсов.

Бурдье делает акцент на превращении, в конечном счете, всех форм капитала в экономический, определяемый им как накопление результатов человеческого труда. Что же касается социального капитала, то через него акторы могут приобретать доступ к экономическим ресурсам (осуществлять займы, инвестировать капиталовложения и т. п.); могут увеличивать свой культурный капитал через контакты со специалистами либо благодаря собственным усилиям; вместе с тем они могут приобщаться к разным институтам, наделенным полномочиями распределения различных благ.

Вместе с тем, приобретение социального капитала требует вложения как экономических, так и культурных ресурсов. Основываясь на этом, Бурдье приходит к выводу, что результаты владения социальным и культурным капиталами приводят к превращению их в экономический капитал, тем более, что других процессов, которые вызываются этими альтернативными формами, не обнаружено, поскольку эти процессы характеризуются высокой степенью неясности и неопределенности.

В более поздней своей работе “Социология политики” (1993) П. Бурдье отмечает, что “помимо экономического и культурного капиталов, некоторые пространства, в частности, наиболее замкнутые, наиболее “избранные”, требуют также и социального капитала. Они могут обеспечить себе социальный и символический капиталы лишь с помощью “эффекта клуба”, который вытекает из устойчивого объединения в недрах одного и того же пространства... людей и вещей, похожих друг на друга тем, что их отличает от огромного множества других, что у них есть общего, не являющегося *общим*” [3, с.49].

Другой подход к понятию “социальный капитал” представлен в работах экономиста Г.Лоури (Lougy) [см., напр.: 6, с.153–186], который рассматривает в контексте критики неоклассических теорий неравенство в распределении доходов в соответствии с расовой принадлежностью. Лоури утверждает, что ортодоксальные экономические теории были слишком индивидуалистичны, акцентируя внимание исключительно на индивидуальном человеческом капитале и создании поля равной конкуренции, основанной исключительно на использовании данного капитала, хотя декларирование равных возможностей для реализации человеческого капитала отнюдь не уменьшает расового неравенства. По словам Лоури, это неравенство может сохраняться по меньшей мере по двум причинам: во-первых, в силу наследования бедности чернокожих родителей, которая передается детям в форме низких материальных ресурсов, и, как следствие, ограниченных возможностей получения хорошего образования; во-вторых, из-за более слабых связей молодых чернокожих с биржей труда и отсутствия у них полной информации о своих возможностях.

Лоури соглашается с существующим в современной социологии мнением о межпоколенной мобильности и расовом наследовании и на этом основании строит систему своих антииндивидуалистических аргументов.

В работе “Теория динамики различий в доходах по расовому признаку”, опубликованной еще в 1977 году, Г.Лоури отмечал: “Считается, что в свободном обществе каждый индивид будет достигать определенного уровня в социальной иерархии соответственно его (ее) умению преодолевать трудности. Социальный контекст, в рамках которого происходит индивидуальное созревание, в значительной степени определяется тем, что только определенным индивидам это под силу. Отсюда следует, что абсолютное равенство возможностей — это идеал, который не может быть достигнут” [6, с.176].

Однако Г.Лоури не развил собственной концепции социального капитала; он лишь рассмотрел эту идею в контексте своей полемики с ортодоксальными экономистами. К тому же, используя понятие “социальный капитал” в своей статье, он употребляет его как рабочий термин. Кроме этого, мы не находим у него ни одного упоминания о связях социального капитала с другими формами капитала.

Вместе с тем, Г.Лоури проложил путь для более системного анализа процесса формирования социального капитала в работах Дж.Коулмена (Coleman) [7; 8; 9; 10], посвященных, в частности, роли социального капитала в создании человеческого капитала.

Отметим, что Дж.Коулмен в своих работах не упоминает концепцию П.Бурдьё, хотя его анализ возможного применения социального капитала для достижения определенного образовательного уровня параллелен анализу французского социолога. Дж.Коулмен определяет социальный капитал через выполняемую им функцию как “разнообразие сущностей с двумя общими элементами: все они состоят из некоторых аспектов социальной структуры, а эти аспекты, в свою очередь, способствуют действиям акторов (персональным или коллективным) в пределах этой структуры” [10, с.382].

Это, на первый взгляд, несколько размытое определение, тем не менее, открыло дорогу для пересмотра ряда самостоятельных, порой противоречивых процессов в качестве компонентов социального капитала. В свою очередь, Дж.Коулмен сам начал с того, что рассмотрел некоторые из механизмов, порождающих социальный капитал (такие, как взаимодействие ожиданий и групповое принуждение), последствия обладания этим капиталом (такие, как привилегированный доступ к информации) и соответствующую социальную организацию, которая обеспечивает необходимый контекст для обоих его источников и действий.

Ресурсы, полученные посредством социального капитала, выступают с точки зрения реципиента как своеобразное поощрение. Поэтому важно отличать сами ресурсы от способности их получать благодаря членству в разных социальных структурах. Заметим, что различие обозначено в работах П.Бурдьё, но практически не рассматривается Дж.Коулменом.

Важным моментом в понимании социального капитала является выяснение различий между поведением реципиентов и доноров в процессах обмена социальным капиталом. Желание реципиентов получить доступ к социальному капиталу вполне очевидно, а мотивации доноров неоднозначны и комплексны, поскольку они, с одной стороны, обладают социальным капиталом и способны быть его источником, а с другой — не желают изменять свою доминирующую позицию, вступая в отношения “реципиент” — “донор”.

Системное рассмотрение понятия “социальный капитал” предполагает анализ трех основных составляющих: 1) владельцы социального капитала (те, кто определяет требования); 2) источники социального капитала (те, кто подчиняется выдвинутым требованиям); 3) ресурсы.

В концепции Дж.Коулмена эти три элемента часто подменяют друг друга, что приводит к неточностям в понимании и использовании данного понятия.

Несмотря на эти обстоятельства, попытки Дж.Коулмена рассмотреть и проанализировать понятие “социальный капитал” представляют собой вклад в исследование проблемы трансформации человеческого капитала, в частности распознавания механизмов, посредством которых эта трансформация становится возможной.

Большое внимание в своих работах Дж. Коулмен уделяет вопросам ограниченности и/или замкнутости социальных групп. При этом он утверждает, что нормы, действующие в рамках определенной социальной группы, не только укрепляют связь между ее членами (тем самым способствуя развитию социального капитала), но и минимизируют социальную напряженность в данной группе.

Исходя из характерных, с точки зрения Дж. Коулмена, составляющих социального капитала, ученый приходит к выводу, что социальный капитал — это “ресурсы социальных отношений и сетей отношений, облегчающих действия индивидуумов за счет формирования [взаимного] доверия, определения [взаимных] обязанностей и ожиданий, формулирования и внедрения [социальных] норм, создания ассоциаций и т.п.” [7, с.307].

После П.Бурдьё, Г.Лоури и Дж.Коулмена число теоретиков социального капитала продолжало расти. Так, в 1990 году У.Бейкер дал понятию “социальный капитал” следующее определение: “социальный капитал — ресурс, который получают акторы из специфических социальных структур, а потом используют его, следуя своим интересам; это дает возможность внести изменения в отношениях между акторами” [11, с.619].

Более комплексное определение этого понятия дает М.Шифф: “социальный капитал — набор элементов социальной структуры, которые воздействуют на отношения между людьми и являются базовыми аргументами для продуцирования и/или реализации функций” [12, с.161].

Р.Берт (Burt) определяет социальный капитал как “дружеские контакты между сослуживцами и более широкие контакты, через которые Вы получаете возможность использовать свой финансовый и человеческий капитал” [13, с.9]. Если Дж.Коулмен и Г.Лоури придавали большое значение наличию тесного взаимодействия между акторами как необходимой предпосылке формирования социального капитала, то Р.Берт выдвигает на первый план противоположное условие. По его мнению, именно относительная свобода, отсутствие тесных связей, скрепляющих структурные элементы, способствует индивидуальной мобильности. Это объясняется тем, что жесткие схемы взаимодействий имеют свойство отторгать лишнюю информацию, тогда как более слабые связи не препятствуют образованию новых взаимодействий и ресурсов.

Что же касается отечественной социологии и социальных наук в странах СНГ, то здесь данный феномен фактически не исследован. Попытки интерпретации понятия “социальный капитал” эпизодически встречаются в отдельных публикациях. Примечательна статья российского социолога Н.Бусовой “Культурные корни социального капитала” [14]. Но и данная работа представляет собой не столько собственно анализ понятия “социальный капитал”, сколько трактовку его понятия на основании работы Ф.Фукуямы “Вера: социальные преимущества и формирование процветания” (1995).

По мнению Ф.Фукуямы, “социальный капитал отличается от других форм человеческого капитала тем, что он обычно создается и передается через такие культурные механизмы, как религия, традиция или историческая привычка” [15, с.26], а важнейшей его составляющей является спонтанная общительность как способность создавать новые ассоциации и сотрудничать в соответствии с установленными принципами. Главная характерная черта таких ассоциаций, полагает Ф.Фукуяма, состоит в том, что они представляют собой “объединения нового типа, отличающиеся как от традиционн

ществующих групп, таких как семья, так и от организаций, сознательно образованных правительством на основе формальных правил” [15, с.27]. Таким образом, существенным моментом в понимании социального капитала является то, что он базируется на принятых группой нормах и ценностях.

Более детальный анализ форм капитала в целом предприняла российская исследовательница Н.Евдокимова-Динелло, отведя при этом определенное место рассмотрению непосредственно социального капитала [16, с.75–86], однако в рамках экономической науки.

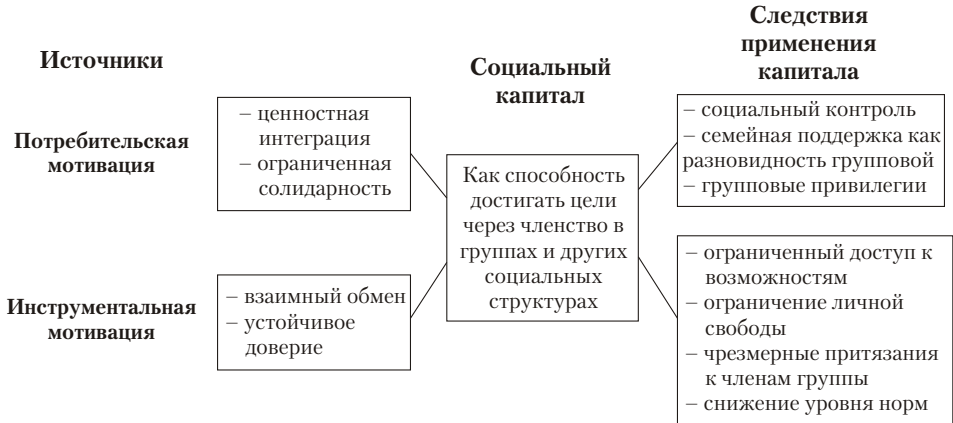
Несмотря на отмеченные различия в трактовке понятия “социальный капитал” в указанных выше источниках, можно говорить об определенном консенсусе относительно характерных черт социального капитала. По крайней мере, общим моментом является то, что социальный капитал поддерживает способность акторов получать “прибыль” в рамках коллектива, в социальных сетях и других социальных структурах.

Далее уместно перейти к рассмотрению источников формирования социального капитала. И П.Бурдье, и Дж.Коулмен указывали на своеобразии социального капитала относительно других его форм. Экономический капитал находится на банковских счетах, человеческий капитал воплощен в людях, а социальный капитал представляет собой неотъемлемый элемент в структуре социальных отношений. Владея социальным капиталом, личность взаимодействует с другими личностями, которые являются непосредственными источниками ее блага. Однако мотивация других для производства ресурсов в доступной для использования форме отнюдь не универсальна. Каждый индивид при производстве ресурсов ориентируется на различия между потребительской и инструментальной мотивациями. Различия эти можно достаточно четко проследить на основании двух аспектов: во-первых, при потребительской мотивации источник ресурсов — нормы, а при инструментальной — “валюта” (в широком смысле этого слова); во-вторых, если при потребительской мотивации возможное поощрение либо не предполагается, либо четко не определено во времени, то при инструментальной мотивации время получения ожидаемого вознаграждения за вложение свободно конвертируемого капитала четко обозначено (хотя возможны незначительные отклонения).

В узком смысле, помимо вышеуказанных, существует еще два других источника социального капитала. Первый нашел теоретическое обоснование в анализе эмерджентного классового самосознания индустриально-промышленного пролетариата. Характеризуя данный источник социального капитала, К.Маркс отмечал, что, оказываясь в общей для них ситуации, рабочие учатся распознавать друг друга и поддерживать инициативы друг друга. Эта солидарность не является результатом норм, прививаемых индивиду в детстве, — это новый продукт общей судьбы [см.: 17, с.886–964]. Вот почему альтруистические диспозиции акторов в этих ситуациях не являются универсальными, но связаны с ограничениями в соответствующих группах. Другие члены той же группы могут со временем занимать эти диспозиции и предпринимать действия, которые и становятся источником их социального капитала.

Последний источник социального капитала нашел свое отображение в теории социальной интеграции и санкционирования групповых ритуалов Э.Дюркгейма [18]. Как и в случаях взаимного обмена, мотивация доноров, социально обусловленная ожидаемой наградой, является инструментальной.

Но при этом ожидание вознаграждения основывается не на знании реципиента, а на принадлежности обоих акторов к общей социальной структуре. Эта включенность в структуру имеет два последствия: во-первых, донорская отдача исходит не только от реципиента, но и от коллектива в виде статуса, славы, одобрения; во-вторых, коллектив сам действует как гарант того, что долги будут возвращены. Все сказанное можно представить в виде схемы:

Указав на ряд источников социального капитала, следует более детально остановиться на характеристике последствий применения социального капитала. Опосредующим моментом в цепочке “источники — следствия” будет выступать способность индивида как члена группы к целесообразному поведению при использовании доступных источников.

Из работ Дж.Коулмена, Г.Лоури и других социологов следует, что использование социального капитала влечет за собой только положительные следствия, к числу которых относятся: а) социальный контроль; б) семейная поддержка индивидов (как разновидность групповой поддержки); в) групповые привилегии (см. схему).

Однако данная трактовка результатов применения социального капитала, на наш взгляд, является односторонней и посему неточной. Отсутствие негативных последствий в такой модели говорит, очевидно, о ее неполноте. Это побудило американского социолога А.Портеса в своей статье “Социальный капитал” провести более полный анализ становления и сущности понятия “социальный капитал” и, помимо положительных, указать ряд сдерживающих моментов в использовании социального капитала. К их числу относятся: а) ограниченный доступ разных членов группы к ресурсам; б) ограничение личной свободы; в) чрезмерные претензии к членам группы; г) снижение уровня действенности общепринятых норм. Поэтому, как утверждает А.Портес, наличие социального капитала, помимо положительных, влечет за собой и ряд отрицательных последствий. Данное суждение, на наш взгляд, полнее отображает феномен социального капитала, однако говорить о том, что те или иные следствия являются положительными или же, наоборот, отрицательными, на наш взгляд, не совсем правильно. Во-первых, еще не до конца изучена сама природа действия социального капитала, и следовательно, во-вторых, возможны случаи, когда кажущиеся нам положительными аспекты могут быть с иных позиций интерпретированы как отрицательные (и наоборот).

Подводя предварительные итоги анализа понятия “социальный капитал”, необходимо отметить следующее:

1. Социальный капитал — это одна из форм капитала, и наряду с экономическим, культурным и символическим капиталами он может составить систему.
2. Социальный капитал многофункционален, так как помимо того, что он способствует удовлетворению интересов личности, он служит общественным и групповым интересам, при этом последним отдается предпочтение.
3. Социальный капитал продуктивен, однако он сохраняет это свойство только при непрерывном возобновлении.

Таким образом, социальный капитал — продукт объективации социальных отношений, позволяющий агентам в процессе их взаимодействия вступать в противоборство или же сотрудничать с целью завоевания доминирующей позиции в социальном поле (пространстве). Важность и сложность изучения социального капитала дает основания для его последующего углубленного анализа в контексте как общей социологической теории, так и отдельных конкурирующих специализированных концепций.

Литература

1. *Portes A.* Social capital: its origins and applications in modern sociology // *Annual Review Sociology.* — 1998. — Vol. 24. — P.1–24.
2. *Бурдьё П.* Начала. Choses dites / Пер. с фр. Н.А.Шматко. — М., 1994.
3. *Бурдьё П.* Социология политики. — М., 1993.
4. *Bourdieu P.* The forms of capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education.* — N.Y., 1985. — P.241–258.
5. *Bourdieu P.* Le capital social: notes provisoires // *Actes Rech. Sci. Soc.* — 1980. — Vol. 31. — P.2–3.
6. *Lowry G.* A dynamic theory of racial income differences // *Women, Minorities and Employment Discrimination.* — Lexington (MA), 1977. — P.153–186.
7. *Coleman J.* Foundations of Social Theory. — Cambridge (MA), 1990.
8. *Coleman J.* Social capital in the creation of human capital // *American Journal of Sociology.* — 1988. — Vol. 94. — P.95–121.
9. *Coleman J.* The creation and destruction of social capital: implications for the law // *Notre Dame J. Law, Ethics, Public Policy.* — 1988. — Vol. 3. — P.375–404.
10. *Coleman J.* The realization of effective norms // *Four Sociological Traditions: Selected Readings.* — N.Y., 1994. — P.171–189.
11. *Baker W.* Market networks and corporate behavior // *American Journal of Sociology.* — 1990. — Vol. 96. — P.589–625.
12. *Schiff M.* Social capital, labor mobility, and welfare // *Ration. Soc.* — 1995. — Vol. 4. — P.157–175.
13. *Burt R.* Structural Holes. The Social Structure of Competition. — Cambridge (MA), 1992.
14. *Бусова Н.А.* Культурные корни социального капитала // *Социологические исследования.* — 1999. — № 8.
15. *Fukuyama F.* Trust: the Social Virtues and the Creation of Prosperity. — London, 1995.
16. *Евдокимова-Динелло Н.П.* Капитал и российские банкиры // *Социологические исследования.* — 2000. — № 2.
17. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — М., 1989. — Т. 3. — Кн. 3. — Ч. 2.
18. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. — М., 1996.